

РЕФОРМИРОВАНИЕ И РЕФОРМАТОРСТВО В СИСТЕМЕ КУЛЬТУРЫ И СИСТЕМАХ ОБЩЕСТВА

Логунова Лариса Юрьевна,
*доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры социологических наук
Кемеровского государственного университета,
Россия, 650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6
ORCID: 0000-0001-8417-913X.
vinsky888@mail.ru*

Аннотация

Статья посвящена роли современной культуры в ситуации перманентных реформ. Это осмысление проблемы, обозначенной П.А. Ореховским и В.И. Разумовым в статье на страницах журнала «Идеи и идеалы» в конце 2021 года. Речь идет о последствиях распространения «нарциссической культуры» в разных сферах жизни, о ее влиянии на трансформацию общества, изменение социальных ролей. Автор статьи изучает проблему с позиции системного подхода, позволяющего увидеть встроенность социальных изменений в структуры системы общества, стабилизирующую роль культуры как «суперсистемы». Корректность видения ситуации заключается не в описаниях последствий некоего явления, но в проблеме методологии понимания, позволяющей получить представление о масштабности явления. Такая позиция исключает возможность критики системы изнутри, когда субъект находится в одной из ее структур. Вместо критического анализа предлагается гуманистически-смысловой, основанный на понимании, объяснении, прогностике.

Методы гуманистически-смыслового, конструктивистского, системного подхода формируют аргументацию к тезису о всепроникающей и стабилизирующей роли культуры в современных управленческих процессах обновления подсистем общества. Системный анализ структур общества комбинируется с конструктивистским подходом, объясняющим распределение новых социальных ролей: реформаторов и реформируемых. Эти роли распределяются на полях притяжения дискурсов на тему необходимости управляемых социальных изменений в кризисных ситуациях. Общество дифференцируется на реформаторов (доминирующих акторов) и тех, кто подлежит реформированию (акторов-статистов). Театральная терминология драматургического и конструктивистского подходов объясняет игровой смысл социальных действий. Основная игра реформаторов – «мышеловка», в которой проявляются «пуэрилитические» качества инициаторов

реформ. Изучены социальные роли и специфика их распределения в процессах реформаторства.

Рассмотрены процессы реформирования и реформаторства, показаны различия в смыслах, целях и инструментах этих процессов. Реформирование – процесс управления, основанный на принципах гуманизма и справедливости. Реформаторство изучено в социокультурных и социально-психологических контекстах моды и голода по эмоциям, переживаниям. Такое понимание вписывается в концепцию культуры постмодерна с ее «кризисом опыта», погоней за переживаниями, новизной. Реформаторство определяется как мода на реформы, новизну. Это тренд, определяющий постоянное обновление структур системы общества в целях получения выгод и преимуществ от социальной позиции реформаторов – доминирующих акторов, имеющих исключительное право на изменение правил игры, отставание цензов доступа к ресурсам. Реформаторство не приводит к решению социальных проблем, обостряет течение социокультурных процессов. Риски от последствий реформаторства – аномия, социальные перемены травматического характера, которые переживают все акторы, независимо от степени доминирования на «полях притяжения».

Равновесие, к которому стремится социальная система, не связано ни с опорой на мобилизационные способности вождей, за которыми идут массы, ни с рациональностью ученого сообщества, представителей которого массы и вожди не слушают. В равновесие систему приводит культура с ее системообразующими функциями, обеспечивающими нормативный порядок. С помощью техник интегральной социологии показана стабилизирующая роль ценностного ядра культуры в жизни системы «общество».

Ключевые слова: культура, ценности культуры, социокоды культуры, реформирование, реформаторство, социальные игры, конструктивистский подход, драматургический подход, гуманистически-смысловой подход, системный подход, массовое поведение.

Библиографическое описание для цитирования:

Логунова Л.Ю. Реформирование и реформаторство в системе культуры и системах общества // Идеи и идеалы. – 2022. – Т. 14, № 3, ч. 2. – С. 291–312. – DOI: 10.17212/2075-0862-14.3.2-291-312.

Интродукция. Культура теории

Культурозависимость – это не заболевание, а достоинство современного интеллигентного человека. Культура – это форпост, который сопротивляется «модернизации». Инструменты сопротивления – специфические свойства культуры: ценностная система интегрирующего ядра; селективная функция, отсеивающая всё, что не гармонирует с социокодом культуры нации, народа или общности; способность к консервации социальных изменений, тормозящая обвальную скорость нововведений. «Пребывание человека в культуре» – это согласование своего мировоззрения, по-

ведения, социальных действий с картиной мира, написанной столетиями жизни культуры народа.

За десятилетия исследований сложилась разноликая терминология, характеризующая современный мир культуры. «Массовая культура» (М. Хоркхаймер, Т. Адорно [22, с. 149–210], «культура бедности» (О. Льюис) [26, с. 187–220], «мозаичная культура» (А. Моль) [14, с. 266–271], «культура реальной виртуальности» (М. Кастельс) [8], «нарциссическая культура» (К. Лэш) [21] – весь этот культурный «дух современности» описывает не распад культуры на ее составляющие. Это описание разноликих форм, которые принимает вектор развития культуры в наши дни. Культура всегда целостна своим системообразующим действием (А. Редклиф-Браун, П.А. Сорокин). Смыслы ценностного ядра культуры оказывают влияние на все сферы жизни людей, буквально пропитывают все структурные элементы системы «общество». Другой вопрос, как мы видим и рефлекслируем социальные явления, объясняя их с точки зрения нашей научной компетентности, выбора методологии для осмысления явлений и процессов современности.

Удобно видеть и изучать целое по частям. Но социальная система «общество» не определяется свойством одного из ее элементов. Таков закон теории систем. Эмерджентность («системный эффект») есть несводимость свойств системы к сумме свойств ее компонентов. На этом покоится системный порядок. Система культуры, встроенная в систему общества (Т. Парсонс [16; 28, р. 5–29]), наполнена свойствами всех культурных форм, развивающихся в разных направлениях, но ни одна из ее характеристик не может доминировать над ценностным ядром, образующим социокод культуры.

Парадоксально, что исследователи пытаются определить характер современной культуры, чтобы придумать ярлык для динамического развития какого-то явления. Культуре безразлично, как называется любое из ее проявлений. Она слишком высока против понимания ее отдельным человеком или целым научным сообществом. Можно ли вообще изнутри системы увидеть ее целостность и величие? Как увидеть мир, находясь в «скорлупе ореха»? Н. Луман метко обозначил проблему наблюдателя в системе: *кто* он есть и *что* именно он наблюдает [27]. Так родилась идея различий разного рода: подсистем, свойств, времени, элементов системы. Но система живет своей жизнью. Она не обращает внимания на то, что ее исследуют («наблюдают») входящие в ее состав элементы. Любая попытка наблюдателя подойти к проблеме развития культуры (развития жизни по своим великим модалным законам) заканчивается описанием стремления увидеть за деревьями лес. Можно согласиться с П.А. Ореховским и В.И. Разумовым, констатирующими, что нарциссическая культура рас-

пространилась «в современных вузах, НИИ, в предпринимательстве, политике» [15, с. 85]. Можно даже пронаблюдать, как массовая культура изменила свое свойство, став «нарциссической», чтобы объяснить особенности трансформации общества. Но одно дело – увидеть и описать явления, другое – обвинить в этом явлении другие элементы системы. Наблюдатель в этом случае различает себя и тех, кого обвиняет в том, что система начинает, по его мнению, отклоняться от идеала. Это ограниченное понимание логики развития жизни.

Проблема заключается не в наблюдателе с его рефлексией, но в несовершенстве методологии понимания мира людей. Поскольку метаметодологии еще не существует, постольку мы можем полагаться на теории, которые стараются понять в культуре не частности, а нечто универсальное, например, структуру ценностного ядра и законы его воздействия на поведение элементов системы. Так работают теории, описывающие универсальные законы развития социальной системы, взаимодействия ее элементов: теория интегральной социологии П.А. Сорокина [19], теория роли ценностей в историческом развитии А.С. Ахиезера [1], интегративные теории (Э. Шилз [23, с. 341–359], В. Беньямин, Й. Хейзинга). В комбинаторике с конструктивистским подходом теории интегративного типа дают возможность пронаблюдать со стороны и описать структуры позиций акторов, их интеракций – символических взаимодействий (П. Бурдьё, И. Гофман). Для понимания социально-психологической составляющей жизни социальной системы актуально использование классических теорий массового поведения (Н.К. Михайловский, Г. Лебон) в связке с игровой основой социальных взаимодействий на микроуровне. Методологическая конструкция объединения потенциала интегральной социологии, системного, гуманистически-смыслового и конструктивистского подходов позволяет увидеть частности, не упуская из центра научной рефлексии динамику и логику развития структур суперсистемы «культура общества», пронизывающей социальную систему «общество».

Мода на реформы

Мы будем различать реформирование и реформаторство как два разных процесса изменений в системе, характеризующихся различием между гуманистическими и менеджеральными целями и методами. Реформирование – это организационная мудрость акторов, умение встраивать процессы социальных изменений в логику развития системы с целью достижения благополучия элементов системы. Реформаторство – социальная деятельность, смысл которой можно определить как моду на реформы и обновления любого свойства. Реформы – время перемен и тяжелых решений, которые переживаются системой. Реформирование означает

готовность переживать драматизм перемен вместе со всеми. Реформаторство – это умение инициаторов реформ создать драму для всех, но дивиденды получить для себя. Любые реформы суть реакция на социальное напряжение, попытка разрешить противоречия между элементами и подсистемами, изменением условий и стареющими правилами жизни системы и ее структур.

Социальное напряжение – исходная точка анализа для наблюдателя. Этот нерв услышал В. Беньямин [5, с. 19, 20], определив проблему «кризиса опыта». В новых условиях опыт, укорененный в традициях, основанный на преемственности, на ценностях культуры, становится неактуален. Приобретение и закрепление опыта, соотнесение его с ценностями системы культуры – времяемкий процесс. В эпоху быстрых социальных изменений у человека есть время лишь на рефлекссию. Опыт обедняется и вытесняется количеством переживаний, исторический и культурно-смысловый нарративы заменяются информацией.

Социальные катастрофы, принесенные мировыми войнами в XX веке, не способствовали закреплению ростков опыта культурной традиции модерна. Постмодерн, как занавес, опустился на культурные смыслы прошлого двумя функциями: модернизацией и переживанием в формате симуляции и симулякров (Ж. Бодрийяр). Информационные смыслы развития оформились в симулякр – метанарратив о спасительной эффективности (всего и во всем: в менеджменте, бизнесе, культуре, образовании). Однако эффективность конфликтует с опытом. Он мешает нацеленной на успех эффективности своей рациональностью, степенностью, склонностью к селекции и отсеиванию всяких потенциально вредоносных новшеств. Эффективность связана с переживанием новизны, ожиданием прибыли. Опыт не эффективен в своей последовательности, рациональности, размеренной темпоральности. Эффективность – скорость, движение. Миф об эффективности как о двигателе прогресса подменяет смысл эффекта от быстрых действий смыслом скоростного обогащения за счет этих действий.

Постмодерн – социокультурная концепция для осмысления реальности. Если модерн связан с новым стилем жизни в его культурной целостности, то его *пост*состояние характеризуется одержимостью новизной. Отвергнув истину, что «лучшее – враг хорошего», акторы стали воплощать в жизнь жгучее желание всё обновлять, реформировать. Новое ради нового в ущерб рациональному – самоцель развития общества постмодерна. Новое есть не лучшее в функциональном смысле, но престижное, потому что считается лучшим. Обладание лучшим, причастность к нему повышает социальный статус актора, является элементом присвоительных стратегий.

Модернизация ведет себя как инфекция, проникая во все сферы жизни. Институционализируясь, она перестает быть просто процессом изменений, она начинает навязывать себя системе. Опыт замещается переживанием новизны. Высшая форма переживания – шок. Состояние шока актеры осознанно избегают, но подсознательно к нему стремятся, подстегивая процессы социальных изменений перманентным реформированием всего, что еще живет старым опытом, смыслом рациональности. Эффективность становится эффективной формой модернизации, в основании которой – реформа. «Эффективность» и «реформы», – модные слова в современной управленческой практике. Функционеры (инициаторы реформ) включаются в общий тренд удовлетворения потребности в новизне. Это люди деятельные, голодающие по переживаниям в своей деятельности. В удовлетворении потребностей переживаний и новизны кроется причина бесконечных реформ, формирующих своеобразную моду.

Мода – феномен, основанный на бесконечном обновлении и подражании. мода на реформы не есть необходимость. Это лишь потребность человека, голодающего в своих рутинных обязанностях, испуганного, что его не заметят вышестоящие, такие же эмоционально голодающие, как он. «Считается, что что-то модернизировать (образование, здание, фабрику, закон, пенсионную систему) – значит довести до лучшего возможного в настоящий момент состояния. Модернизация – это обновление ... в результате которой всё вокруг становится современным, то есть новым» [7, с. 64]. Без необходимости реформирования не мыслится процесс управления. А.Г. Ионин сокрушается, что нельзя свернуть реформы и завершить модернизацию. «За реформой электроэнергетики пришла реформа пенсионной системы, чуть позже началась модернизация образования, потом идет здравоохранение, космос и т. д. Скоро опять придет пора реформировать электроэнергетику» [7, с. 64].

Мода на реформы оформилась в культуру реформирования. Цель реформ – не улучшение, но следование моде, подражание тем, кто уже что-то обновил и представил эту управленческую новинку в качестве технологии. Потребность в реформе подменяет реальные потребности – решение социальных проблем. Решить проблему не просто. Легче воспроизвести технологию реформы. Переживание процесса реформаторства позволяет проявлять озабоченность по поводу решения проблемы. Сложился целый класс реформаторов, которые реформы инициируют, проводят, за успех этих реформ ответственности не несут, но очень переживают за весь процесс. Аргументация необходимости реформ с оформлением их в легитимные законы в скоростном режиме выглядит как апелляция к странам Запада, где эти законы уже есть. Для решения локальных проблем достаточно сделать всё по обкатанной европейцами технологии: проблема – реформа –

закон. В результате множатся и законы, и не решаемые с помощью этих законов проблемы.

После очередной безрезультатной реформы для ее инициаторов придумываются специальные должности, им доверяются следующие реформы чего-нибудь. Так, опорные вузы были элементом реформирования системы высшего образования. Результат реформы сомнителен: нанесен удар по системе малых высших учебных заведений, которые скрепляли фактом своего существования прединтеллигентную среду малых городов. Из городов, оставшихся без маленьких вузов или их филиалов, начался отток молодежи. Когда молодежь уезжает, в городках начинается социальная депрессия. Оценка эффективности гиганта-гибрида «опорный вуз», подмявшего под себя (простите, объединившего) разные вузы, еще не была дана, но эти гибриды устремились в новую струю реформ, связанных с программой трансформации вузов «Приоритет 2030». Реформируется не то, что требует реформирования, где социальная проблема обострилась ввиду социально-культурного противоречия. Реформируется то, технология реформирования чего известна, или то, за реформирование чего можно получить награду, быть отмеченным начальством.

На анализ неудачи реформы у инициаторов нет времени: есть риск выпасть из модного тренда. Аналитика заменяется объяснениями типа «у реформы появились противники» (разного рода иностранные агенты). Это игра в решение социальных проблем. Правила игры несводимы к результату. Выигрыш получают реформаторы (статусы, деньги, награды), а реформируемые граждане исполняют роли статистов, несущих ответственность за успех реформы. Люди с традиционно высоким статусом, например профессорско-преподавательский состав, оказывают сопротивление, потому что понимают суть проблемы глубже, чем реформаторы. П.А. Ореховский и В.И. Разумов замечают, что «с наступлением нарциссической культуры профессиональные корпорации учителей и преподавателей, исследователей и полицейских, врачей и социальных работников ведут “арьергардные бои”, отстаивая свое право навязывать людям свои нормы поведения» [15, с. 89]. Мысль, конечно, интересная, но можно ли согласиться с формулировкой «навязывания своих норм»? Корректнее было бы сказать – отстаивания своих прав на классические нормы поведения, предписанные их социальному статусу и ролям. Эти нормы основаны на тысячелетнем опыте социальных взаимодействий «учитель – ученик», «врач – пациент», «журналист – читатель». Нарциссическая (или любая другая) разновидность культуры придет и уйдет, как мода, а ценности культуры останутся. Хранителей этих ценностей и поведенческих норм уничтожать преступно.

Реформаторство – это пародия на социальные изменения. И пока реформаторы наслаждаются возможностью переживаний, зарождаются настоящие социальные изменения травматического характера. Социальное напряжение нельзя сгладить реформами. Его нужно предвидеть, рассчитать риски, дать аналитику и прогноз.

Реформаторы и реформируемые

Во времена социальных перемен общество дифференцируется на реформаторов и тех, кто подлежит реформированию. Все мы – игроки на полях для социальных игр, где разворачивается распределение ролей в процессах реформирования. Любые реформы – часть социальной игры, в которой актору нужно доказать свой социальный статус влиятельного человека, руководящего процессами социальных изменений. П. Бурдьё определяет «поле» как пространство для игры сил и монополий, борьбы и стратегий, интересов и прибылей [3, с. 22]. Здесь «находятся агенты и институты, производящие, воспроизводящие и распространяющие искусство, литературу, науку» [3, с. 51]. Список «точек притяжения» можно продолжать. Движения, дискурсы, духовные процессы концентрируются вокруг тем политики, экономики, права, истории, социальной памяти.

На этих «полях притяжения» происходит расстановка агентов от институтов власти, акторов различных социальных групп. Позиции, занимаемые сильными (изобретающими правила игры) и слабыми (принуждаемыми действовать по правилам) «игроками», определяет выбор их действий по отношению друг к другу [12, с. 196]. Способность и потребность людей взаимодействовать на «полях притяжения» превращается в игру. Доминирующие игроки, определяя стратегию реформирования, присваивают себе право навязывать игрокам-статистам правила «игры» (воплощение реформы в жизнь). Доминирующие игроки имеют в виде бонусного ресурса право на социальный произвол – изменения «правил игры»: введение дополнительных цензов и условий на вход в их сообщества или изменения законов на право доминирования. Такие решения принимаются с максимальным эффектом неожиданности для «статистов».

Правила игры складываются из позиционных и ресурсных возможностей играющих, конкретизируются в социальных ролях акторов. По мнению П. Бурдьё, символический капитал (например, принадлежность к политической, творческой, научной элите) является основанием для обретения силовой позиции на «поле притяжения». Доминирующие акторы обречены на стратегии сохранения установленного порядка (группы будущих доминирующих акторов, система поведенческих «габитусов», закрепляемых законодательно), частью которого они являются, – считает П. Бурдьё [4]. Социальное напряжение создает дискомфорт для игроков, стимулирует к действиям

для обретения поведенческого равновесия, задает «правила игры», к которым каждый игрок вынужден адаптироваться. Действовать «по привычке» становится всё труднее. В ситуации внезапных изменений правил игры жизнь выглядит хрупким балансом, противоречием между желаниями и возможностями, между идеалом и реальностью. Границы между дискурсами оппонентов прочерчиваются более жестко, манипуляции с демонстрацией культурного капитала (экономические рычаги, административный ресурс, квалификационный капитал) становятся более выпуклыми.

Для изучения социальных игр И. Гофман обосновал драматургические принципы: исполнение роли (performance), команда (team), управление впечатлением (impression management) и др. [24]. Все люди стараются произвести на партнеров по общению впечатление. Игроки, объединенные в корпоративные команды, могут произвести более сильное впечатление, выстраивая имидж организации. Игра командой – это согласованные действия по воплощению стратегий. С целью впечатлить зрителя (клиента, пациента, гражданина, электорат) разыгрываются целые профессиональные спектакли, в которых члены корпорации – исполнители ролей в пьесе на тему «Мы – самая выдающаяся и профессиональная компания». Игра актора, которая выбивается из общего хора, квалифицируется как нарушение корпоративной этики [11, с. 72].

Этими «нарушителями», играющими не по правилам, оказываются профессионалы «старой закалки». Хранители норм культуры и профессиональной этики не могут согласиться с внезапными, социально не просчитанными и необоснованными изменениями. В команде их терпят за былые заслуги, но реформаторам они мешают идти «вперед». Реформаторы отстаивают свое право на определение, где находится это «вперед», распределяя тех, кто не согласен в класс подлежащих реформированию. Эксперты и профессионалы становятся рядовыми игроками, от их квалифицированного мнения практически ничего не зависит, их профессионализм обесценивается. От них вообще не требуется проявления профессионализма – только работа на команду, которая оценивается выполнением «показателей эффективности». П.А. Ореховский и В.И. Разумов подчеркивают, что «обесценивание профессионализма вызывает ответную реакцию – самоизоляцию (абсентеизм) специалистов». Это правда. Но такой корпоративный абсентеизм можно понимать не только с позиции очевидности. Профессионалы, несогласные с потерей статуса, ведут поиски новых социальных ролей, используя для «определения ситуации» пристройку неучастия¹

¹ «Пристройка неучастия» – театральный термин для определения позиции актера по отношению к партнеру по сцене. Классический набор пристроек: снизу, сверху, сбоку, в зависимости от ролевой позиции персонажа. Пристройка неучастия – это положение «вне игры», используемое редко в театральной практике, но актуальное в социальной жизни.

(«не впутывайте меня в это рискованное и неразумное дело»). Такую позицию нельзя трактовать как уход от решения проблемы. Профессиональный абсентеизм – это оппозиция, образующая силовое поле притяжения дискурса здравомыслящих людей.

Реформаторы не нуждаются в экспертах: они могут создать документ сомнительного качества и придать ему статус стратегической концепции, принуждающей окружающих к разным действиям – от негодования до смирения. Чего стоит, например, список традиционных ценностей, разработанный авторами из Министерства культуры РФ [18]. Некомпетентность видится уже в форме: список в одну «кучу» вмещает и терминальные, и инструментальные ценности, и механизмы их функционирования. Ставшее классическим исследование современных ценностей россиян Н.И. Лапина [9] авторы документа вообще не читали. Они и без экспертизы компетентных ученых прекрасно обходятся, на одном энтузиазме определяя социокультурные стратегии, очевидно, не подозревая, что тяжесть ответственности за (или из-за) их воплощение будут нести рядовые граждане, их семьи, их дети и внуки.

Вокруг деятельности реформаторов образуется мощное силовое поле. А.Г. Ионин очерчивает круг реформаторских ролей и субъектов исполнения, объясняет силу их позиции самоуверенностью, безапелляционным осознанием правоты своих действий. Все эти «бизнес-консультанты, реформаторы образования, международные эксперты по развитию и ученые – члены политических комиссий по реформам, <...> члены разного рода общественных палат и советов – общественные консультанты» [7, с. 167], дорого оплачиваемые представители «от народа» в высоких государственных кабинетах, – все они переживают эйфорию от осознания своей исключительности, от своих действий для всеобщего блага. Быть в авангарде – их призвание. У них есть собственное представление о должном, их рекомендации (инструкции, законы, правила, проекты) обязательны к исполнению гражданами. В этих играх обрел силу и закалился класс реформаторов – игроков, распределяющих ресурсы, направленные не на решение проблем, но на их маскировку реформами. «Они и живут в сознании исключительности, чему способствуют постоянные перелеты, отели, высокие гонорары. <...> Их характеризует в первую очередь не то, что они представляют всех, а именно их отличие от всех, их исключительность, состоящая в способности видеть дальше и больше других, что и оказывается причиной достигнутого ими положения и их права критиковать систему изнутри нее самой, разрушая всё косное и устарелое во имя современного и прогрессивного» [7, с. 167]. Реформаторы «переживают волнуемое чувство меньшинства, прокладывающего свой путь в недружественной или просто враждебной среде» [7, с. 166].

Всю эту социальную управленческую деятельность на благо общества Й. Хёйзинга определил термином «пуэрилизм». Это «дух мальчишества», ребячество, которое проявляют люди высокого статуса в решении жизненно важных проблем. От них ждут компетентности, взвешенности в принятии решений. Но на важные вопросы, которые задают представители общественности, они отвечают шутками. Их игровая деятельность приобретает характер серьезной работы. Й. Хёйзинга отмечает, что «политические речи ведущих лидеров – злое озорничание». Общественная жизнь характеризуется свойствами пуэрилизма озорничающих взрослых людей: «Недостаток чувства юмора, неоправданно бурная реакция на то или иное слово, далеко заходящая подозрительность и нетерпимость к нечленам своей группы, безмерная преувеличенность хвалы или хулы, подверженность всякой иллюзии, если она льстит себялюбию или групповому эгоизму» [21, с. 231]. В этот перечень гармонично вписывается желание бесконечных изменений в смыслах модного тренда, объясняемого потребностью в переменах. Пуэрилические ноты звучат в том, что к социальным проблемам солидные люди относятся с такой же серьезностью, с какой обсуждаются модная длина юбок или ширина брюк. Внедрив реформу, сами реформаторы понимают, что скоро придется снова всё реформировать и, не дав реформируемым адаптироваться к новым правилам игры, занимаются разработками новых реформ с серьезным видом дизайнера одежды, продумывающего новый тренд для очередного весеннего сезона.

И так будет продолжаться, пока не пройдет мода на реформы или не наступят действительно мощные социальные изменения (кризис евро и мультикультурализма, пандемия, угроза военных конфликтов), которые отвлекут от реформаторства необходимостью простого выживания.

Внезапные изменения правил игры с усилением частотности опасны разбалансировкой механизмов функционирования социальных институтов, институционализированных практик. Это «осложняет социальные процессы, опрокидывает нормы привычных действий, ведет к нарастанию напряженности для субъектов, вынужденных принимать антикризисные решения. В это время поведенческие практики изобретаются «на ходу», не всегда отличаются удачностью, эффективностью [17, с. 12]. Социально необоснованные реформы могут привести к рискогенным или аномическим ситуациям. «История свидетельствует, что успех общественных реформ определяется тем, насколько предписываемые ими модели поведения граждан соответствуют нормам национальной культуры. Когда такое соответствие есть, реформы идут легче, в противном же случае они обычно наталкиваются на пассивное, но трудно преодолимое сопротивление масс, не склонных менять свои взгляды и предпочтения», – считает Т.И. Заславская [6, с. 55].

Наша жизнь – игра

Э. Берн определил межличностные отношения в виде игр, источник потребности в которых – голод по эмоциям, переживаниям. Социальное назначение игр – структурирование времени в борьбе со скукой повседневности. Игры характеризуются скрытым характером (опасностью) и наличием вознаграждения. В своей основе игра нечестна: скучающий, испытывающий эмоциональное голодание субъект принуждает окружающих обслуживать его интересы, работать на его социальные амбиции. Игра в реформу опасна непредсказуемостью, непросчитанностью рисков, исход ее имеет драматический характер.

Игра понимается Э. Берном как последовательный ряд взаимодействий, движущихся к определенному предсказуемому исходу [2, с. 24]. Взаимодействия такого рода имеют смысловую основу «мышеловка» и являются «ядром общественной жизни». «Западня» – обычный финал для «мышки», которой предложили (в случае реформы – вынудили) что-либо сделать сейчас, обещая вознаграждение потом. Но мышеловка всегда захлопывается, заставляя «мышку» страдать, испытать разочарование. «Игрок, втягивающий в свои игры, получает удовольствие от того, что на него поработали бесплатно. Любое взаимодействие, в котором скрыта игра, содержит такой сценарий. “Мышка” может не нуждаться в помощи или ресурсах игрока. Этой мышкой может быть самодостаточный благородный человек (любой представитель электората), который не предполагает, что с ним обойдутся нечестно» [11, с. 120, 121].

В мышеловку могут попасть сами инициаторы игровых взаимодействий, считающие, что у них есть исключительное право распоряжаться судьбами других. Мышеловка, по сути, единственный вариант игр реформаторов. «Сыр» пакуется с яркую обертку с лозунгами о «светлом будущем» и навязывается тем, кто подлежит реформированию. Войны, пандемии, межгосударственные конфликты, внутригосударственные протесты – последствия игр, навязываемых обществу вместо решения системных проблем. Реформаторы могут попасть в «мышеловку» реформы, расплачиваясь репутацией, свободой, отказом общественности в доброй памяти, ибо «на всякого мудреца довольно простоты».

Обновление опыта

Реформы – это превращение социального и культурного опыта в фарс в процессе социальных перемен. Мудрость народа называет это танцами на граблях. Если нет реальных достижений в разных сферах жизни, можно обратиться к «опыту» и блистать победами прошлого, играя на ностальгических настроениях определенных категорий населения. Так, пытаясь

возродить старые заслуги российского спорта, хоккейная команда СКА по распоряжению Р.Б. Ротенберга погружается в пучину ребрендинга: выходит на лед в форме с надписью «СССР», пытается присвоить имя «Красная машина», намекая на былые заслуги советского спорта. И всё бы было ничего, но фарс заключается в том, что в стране, наводнившейся иноагентами, по советскому прошлому ностальгирует гражданин Финляндии, который стал главным тренером хоккейного клуба СКА. Р.Б. Ротенберг, обладатель иностранного паспорта, сегодня стал первым человеком в главной хоккейной команде РФ [20]. Когда нет новых достижений, а переживать победы хочется, тогда используется социальная память, которую переименовывают в «историческую». Это работает не на построение будущего, но на охрану определенного смысла прошлого. Это еще одна мышеловка, в которую рискуют попасть потомки. Для них открытие правды становится исторической травмой.

Вокруг «правильных» идеологических смыслов выстраиваются бастионы запретительных законов. Однако идеологически правильная социальная память – это иллюзия опыта. На иллюзию нельзя опираться для решения жизненно значимых задач общества. Дивиденды от манипуляций с опытом получает доминирующая часть игроков и сложившийся вокруг них класс реформаторов. Заблудившееся в этих манипуляциях коллективное сознание игроков-статистов не в состоянии опереться на прошлый опыт и содержание социальной памяти для ограждения себя от травматического повторения трагических событий истории их семей, их страны.

Ностальгия по прошлым победам – тоже переживание. Но с прошлыми победами возвращается и прошлый опыт (как правило, травматический), тяжелый опыт арестов, охоты на ведьм, поисков внутренних врагов с волнами репрессий, расчищающих идеологическое поле для новых игр в социальные войны. Это драматические методы, с помощью которых выстраиваются присвоительные стратегии, отстаивается право на распределение ресурсов.

Социальная система жизнеспособна, пока в ее структуре, элементах, функциях происходят изменения. Во времена реформаторства социальная система «общество» бурлит процессами и взаимодействиями, но на самом деле ничего не происходит, кроме ребрендинга опыта и игр в санкции. И даже фактор пандемии не особенно охлаждает пыл игроков. Но точка разрыва связей уже наметилась. С одной стороны, идут процессы социальных действий для наращивания эмоционального напряжения – больше переживаний «хороших и разных». С другой стороны, любая система стремится к равновесию, которое исключает встряски (эмоциональные, событийные).

И здесь встает вопрос о персоналиях, которые могут возглавить перемены и направить их в правильное русло. Возникает проблема опыта взаимодействий «героя и толпы». Кого услышит масса элементов-статистов? Кому поверят акторы-профессионалы? Кто в состоянии осмыслить перемены не с позиции своей выгоды? Кто сможет выйти в своей аналитике за границы системы, предсказать динамику и последствия изменений? С пророками, с их концептуальным пониманием будущего, как показывает история, всегда проблем больше, чем хотелось бы иметь правителям. Пророки слышат ценностные смыслы социокода культуры системы, но не имеют воли для последовательности в процессах реформирования. Вожди тонко понимают работу структур системы и ее подсистем. Они хороши своей мобилизирующей силой, но на этапе стабилизации они сами теряют мобильность в своих решениях и способность чутко слышать актуальные требования системы, полагаясь исключительно на силу и пропаганду. Но именно такие персоналии подходят для реформаторства.

П.А. Ореховский и В.И. Разумов отмечают, что массы подобострастно относятся к вождям. Но не следует путать сакральное чувство подобострастия, которое на бессознательном уровне господствует над толпой, с уважением как осмысленным пониманием ситуации. Это очередная подмена понятия. Уважать массой кого-либо или что-либо невозможно. Н.К. Михайловский доказал, что массами движет попадание в резонанс с бессознательным «героя». Его работа «Герои и толпа» – классическая теория для понимания структуры взаимодействий массы и вождей. Оговоримся, что понятия «толпа» и «народ» не тождественны. В отличие от ситуативной толпы, народ имеет историческую судьбу и уникальную культуру. Толпой руководят лишь эмоции, переживания. Народ опирается на опыт культуры. Для толпы достаточно лозунга о «духовных скрепах» без объяснения их содержания и смыслов. Народ готов подчиняться только правителю, но не вождю. Правитель должен служить народу. Вождь (герой) никому не служит. Он лишь гипнотизер-мобилизатор, воплощенный исполнитель актуальных задач доминирующих акторов, завораживающий своим харизматическим обаянием массу статистов. Масса тонкое различие между служением и «ведением вперед» понять не способна. «В толпе может происходить накопление только глупости, а не ума», – вторит вслед Н.М. Михайловскому Г. Лебон [10, с. 164].

Н.К. Михайловский обосновал, что «высшая индивидуальность» в лице социальных институтов государства и семьи формирует массовое сознание, надстраиваясь над индивидуальными сознаниями личностей, превращая людей в толпу. Серое, невзыскательное сознание заражается «героями-гипнотизерами» любого уровня нравственности, оно всегда готово им подчиняться. Н.К. Михайловский исследует механизм заражения и под-

чинения. В его основании – способность любого живого организма мимикрировать и подражать в целях защиты от преследований хищников. Особый духовный настрой людей, наблюдающих событие, «симпатические чувствования», страхи определяют готовность толпы повторять навязанные вниманию действия.

Механизм подчинения основан на «хронической скудности впечатлений», узости интересов представителей толпы. В однообразии жизни, в размеренном повторении рутинных событий формируется «чудовищно огромный зал, приспособленный для гипнотических опытов», в котором подавляется сознание и воля людей. Личность превращается в «раба, жадно ищущего, перед кем преклониться, кому отдать в руки свою волю» [13, с. 336]. Рабы наполняют собою толпу – «массу, способную увлекаться примером, высокоблагородным или низким, или нравственно-безразличным». Толпа всегда выбирает «героя», который есть «человек, увлекающий своим примером массу на хорошее или дурное, благороднейшее или подлейшее, разумное или бессмысленное дело» [13, с. 336]. Главное, чтобы он умел показывать силу. «Массы уважают только силу, и доброта их мало трогает, так как они смотрят на нее как на одну из форм слабости. Симпатии толпы всегда были на стороне тиранов, а не на стороне добрых властителей. Самые высокие статуи толпа всегда воздвигает первым, а не последним» [10, с. 185, 186]. Чем выше степень опустошенности сознания и обессилности воли, тем быстрее человек станет частью обезличенной толпы; чем неординарнее будет герой, тем сильнее его влияние на толпу.

Неустойчивое психическое состояние «героя» входит в резонанс с симпатическими переживаниями и становится спусковым крючком для заражения с повторяющимся подражательным действием, не обремененным рефлексией или критическим осмыслением этих действий.

В этом вихре реформаторства искать ответы у науки, провозглашая, что «наука должна служить народу», бессмысленно, ибо не имеет смысла сам лозунг. Наука – это форма культуры, теоретический абстракт, который не может никому служить. И хотя самые достойные ученые идею служения принимают и следуют ей в своих профессиональных обязанностях, но ни толпа, ни вожди их не будут слушать. Рациональные доводы толпу раздражают и приводят в агрессивное состояние. Вождям и реформаторам они мешают, тормозят скорость обновлений своими требованиями социальной экспертизы. Ученый не может апеллировать к эмоциям. Беря на себя роль пророка, он предпочитает служить будущему человечества. Пророки замолкают, резонно опасаясь репрессий, закручивающаяся «спираль молчания» трактуется реформаторами в пользу согласия с реформами.

Итог – смена социальных ролей в логике новой формы социальной дифференциации, суетливые действия реформаторов, волны реформаторства, сотрясающие систему, высокая травматическая и рискогенная скорость социальных изменений, опасность реальных перемен, несущих риски для целостности и устойчивости социальной системы.

Заключение. И снова культура

Социальное равновесие – желанное состояние общества. Это, прежде всего, устойчивое равновесие, когда внутри системы сохраняется порядок на демократических принципах, когда социальная справедливость не пропагандируется, но практикуется, когда решения институтов власти социально просчитаны, подготовка к реформам прозрачна, реформы открыто обсуждаются в равноправном для разных акторов дискурсе. Нарушение этих принципов ведет либо к загниванию и стагнации системы, к ее распаду, либо к волнам реформ в разных подсистемах, которые не способствуют стабилизации, но производят впечатление заботы о системе (от ребрендинга конституций государств до названий отделов в организациях разного уровня). Для того чтобы избежать трагических последствий, нужна интегрирующая ценностная идея о равновесии, не приводящем к распаду, но защищающем от галолирующих социальных изменений. Но сегодня остается открытым вопрос: о каком равновесии мечтает система?

На сложные вопросы ответы могут быть простыми. Разбалансированную систему приводит в равновесие ее интегрирующее ядро. Социальная система уравнивается ценностным ядром, определяющим нормативность поведенческих практик и содержание социального опыта общества. В ситуациях аномии, к которой приводят болезненные переживания перемен, культура принимает управление системой на себя. Пропитывая социальные системы ценностными смыслами, она выполняет стабилизирующую и консервирующую функции, актуализирует опыт выживания прошлых поколений. Подмена опыта национальной культуры идеологией хрупких «духовных скреп», которые надо оберегать от любого легкого бриза со стороны «ценностей Запада», и есть нарциссический проект. Для реформаторов поверить в силу национальной культуры значит отказаться от пропаганды, признать свою неэффективность. Они пытаются совершить реформу культуры, заменив социальный опыт народа идеологией партии реформаторов.

Но что может сделать группа умных и влиятельных людей против культуры, прожившей сотни лет? В ее арсенале – смыслы социокодов (любовь к земле, достоинство хозяина, солидарность, забота и уважение членов общности), механизмы традиции и социального наследования, содержание социальной памяти об опыте народа. Мода на реформы проходит, реформаторы сходят со сцены политических драм. Культура – вне моды и вне игры.

Поля притяжения уплотняют дискурсы, привлекают заинтересованных акторов, диктуют противостояние доминирующих и оппозиции. Но в системе «общество» всегда есть «центральная зона культуры» (Э. Шилз) – спокойные хранители ценностей и норм, которые осознают свою миссию по сохранению истинных знаний, врачеванию, заботе о порядке. Их нельзя увидеть на центральных каналах СМИ, но это волнорезы в морях реформаторства. Их знания всегда будут востребованы потомками, пережившими бури реформ.

Литература

1. *Ахизерф А.С.* Россия: критика исторического опыта. Т. 1. – 2-е изд. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. – 804 с.
2. *Берн Э.* Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений / пер. с англ. М.С. Мацковского. – М.: Университетская книга, 1996. – 154 с.
3. *Бурдьё П.* Клиническая социология поля науки // Социоанализ Пьера Бурдьё: альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской академии наук. – М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 2001. – С. 19–36.
4. *Бурдьё П.* Поле науки // SocioLogos 2002: Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской академии наук. – М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 2002.
5. *Беньямин В.* Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости: избранные эссе / пер. с англ. С.А. Ромашко. – М.: Меднум, 1996. – 240 с.
6. *Заславская Т.И.* Современное российское общество: социальный механизм трансформации. – М.: Дело, 2004. – 400 с.
7. *Ионин А.Г.* Восстание меньшинств. – М.; СПб.: Университетская книга, 2012. – 237 с.
8. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
9. *Латин Н.И.* Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов // Социологические исследования. – 2010. – № 1. – С. 28–36.
10. *Лебон Г.* Психология народов и масс / пер. с фр. Ф.Э. Пименовой, А. Фрижмана. – М.: АСТ, 2021. – 320 с.
11. *Логунова Л.Ю.* Социология личности: теоретические основания. – Кемерово: КемГУ, 2017. – 196 с.
12. *Логунова Л.Ю., Рычков В.А.* Поле памяти: конструирование и борьба нарративов // Идеи и идеалы. – 2020. – Т. 12, № 4, ч. 1. – С. 162–190.
13. *Михайловский Н.К.* Герои и толпа // Сочинения Н.К. Михайловского. – М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, Н.Н. Клобукова, скан. – 1906. – Т. 3. – 970 с.

14. *Моль А.* Социодинамика культуры / пер. с фр. Б.В. Бирюкова. – М.: Изда-во ЛКИ, 2008. – 416 с.
15. *Ореховский П.А., Разумов В.И.* Наступление нарциссической культуры: последствия для образования, науки и политики // Идеи и идеалы. – 2021. – Т. 13, № 3, ч. 1. – С. 84–102.
16. *Парсонс Т.* О социальных системах: пер. с англ. – М.: Академический проект, 2002. – 832 с.
17. Политическое сознание и поведение: эволюция и мобилизация: коллективная монография / отв. ред. А.А. Шпак. – Кемерово: Изда-во КемГУ, 2016. – 151 с.
18. Проект Указа Президента РФ «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // КонсультантПлюс. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PNPA&n=80028#WB1hovSD5AAUzDT5> (дата обращения: 18.08.2022).
19. *Сорокин П.А.* Социальная и культурная динамика. – М.: Астрель, 2006. – 1176 с.
20. Сын миллиардера Бориса Ротенберга стал главным тренером хоккейного клуба СКА // BBC. News Русская служба. – URL: <https://www.bbc.com/russian/news-59866020> (дата обращения: 07.01.2022).
21. *Хёйзинга Й.* Homo ludens; В тени завтрашнего дня / пер. с нидерл. В.В. Оппса. – М.: Прогресс-Академия, 1992. – 464 с.
22. *Хоркхаймер М., Адорно Т.* Диалектика просвещения: философские фрагменты: пер с нем. – М.: Медимум, 1997. – 310 с.
23. *Шулз Э.* Общество и общества: макросоциологический подход // Американская социология: перспективы, проблемы, методы / пер с англ. В.В. Воронина, Е.В. Зиньковского. – М.: Прогресс, 1972. – 390 с.
24. *Goffman E.* The Presentation of Self in Everyday Life. – New York: Penguin, 1959. – 259 p.
25. *Lasch C.* The Culture of Narcissism: American Life in an Age of Diminishing Expectations. – New York: Norton, 1979. – 250 p.
26. *Lewis O.* Culture of Poverty // On Understanding Poverty: Perspectives from the Social Sciences / Ed. by D.P. Moynihan. – New York: Basic Books, 1969. – 425 p.
27. *Luhmann N.* Social systems / Transl. by J. Bednars, D. Baecker. – Stanford: Stanford University Press, 1995. – 627 p.
28. *Parsons T.* The Concept of Society: The Components and Their Interrelations // Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives. – New York: Prentice-Hall, 1966. – P. 5–29.

Статья поступила в редакцию 20.01.2022.

Статья прошла рецензирование 21.02.2022.

DOI: 10.17212/2075-0862-14.3.2-291-312

REFORMING AND REFORMATION IN THE SYSTEM OF CULTURE AND SYSTEMS OF SOCIETY

Logunova, Larisa,

Dr. of Sc. (Philosophy), Associate Professor,

Professor of the Department of Sociological Sciences,

Kemerovo State University,

6 Krasnaya Street, Kemerovo, 650043, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-8417-913X

vinsky888@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the role of modern culture in the situation of permanent reforms. This is an understanding of the problem identified by Orekhovskiy P. A. and Razumov V. I. in the journal "Ideas and Ideals" at the end of 2021. The author continues the discussion about the consequences of the spread of "narcissistic culture" in different areas of life. The author of the article studies the problem from the standpoint of a systematic approach. This methodology allows us to see the built-in social changes in the structure of the social system, the stabilizing role of culture as a "supersystem". Such a methodological position excludes the possibility of criticizing the system from within, being one of its structures. Instead of critical analysis, a humanistic-semantic one is proposed, based on understanding, explanation, prognostication.

The methodological complex is built on the combinatorics of the humanistic-semantic, constructivist, systemic approach. The author proves the thesis of the all-penetrating nature and the stabilizing role of culture in modern managerial processes of updating the subsystems of society. The methods of the constructivist approach help to explain the distribution of new social roles. Society is differentiated into reformers (dominant actors) and those who are subject to reform (statistical actors). The theatrical terminology of the dramatic approach explains the playful meaning of social actions. The main game of the reformers is a "mousetrap". It reveals the 'pure' qualities of the initiators of the reforms. The author studies the social roles and the specifics of their distribution in the processes of reformation.

The article considers the processes of reforming and reformation. Differences in the meanings, goals and tools of these processes are shown. Reforming is a social process based on the principles of humanism and justice. Reformation is a game which action takes place on the 'fields of attraction' of discourses. Reformism is defined as a fashion for reform, for novelty, a trend for constant renewal of the structures of the society system. The goal is to receive benefits and advantages from the social position of the reformers. This is a game of dominant actors defending the right to change the rules of the game, access to resources. Reformation does not lead to the solution of social problems, exacerbates the course of socio-cultural processes. The risks from the consequences of

reformation are anomie, social changes of a traumatic nature which all relevant actors feel, regardless of their dominance in the 'fields of attraction'.

The system is brought into balance by culture with its system-forming functions that provide normative order. Using the techniques of integral sociology, the author shows the stabilizing role of the value core of culture in the life of the 'society' system.

Keywords: culture, cultural values, sociocodes of culture, reformation, reformism, social games, constructivist approach, dramatic approach, humanistic-semantic approach, systemic approach, mass behavior.

Bibliographic description for citation:

Logunova L. Reforming and Reformation in the System of Culture and Systems of Society. *Idey i idealy = Ideas and Ideals*, 2022, vol. 14, iss. 3, pt. 2, pp. 291–312. DOI: 10.17212/2075-0862-14.3.2-291-312.

References

1. Akhiezer A.S. *Rossiya: kritika istoricheskogo opyta*. T. 1 [Russia: Criticism of historical experience. Vol. 1]. 2nd ed. Novosibirsk, Siberian Chronograph, 1997. 804 p.
2. Berne E. *Igry, v kotorye igrayut lyudi. Psikhologiya chelovecheskikh vzaimootnoshenii* [Games People Play. Psychology of human relationships]. Moscow, Universitetskaya kniga Publ., 1996. 154 p. (In Russian).
3. Bourdieu P. Klinicheskaya sotsiologiya polya nauki [Clinical sociology of the field of science]. *Sotsioanaliz P'era Burd'e* [Socioanalysis of Pierre Bourdieu]. Moscow, Institut eksperimental'noi sotsiologii Publ., St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2001, pp. 19–36. (In Russian).
4. Bourdieu P. *Pole nauki* [Field of science]. *SocioLogos 2002*. Moscow, Institut eksperimental'noi sotsiologii Publ., St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2002. (In Russian).
5. Benjamin W. *Proizvedenie iskusstva v epokhu ego tekhnicheskoi vosproizvodimosti* [The work of art in the Age of Mechanical Reproduction]. Moscow, Medium Publ., 1996. 240 p. (In Russian).
6. Zaslavskaya T.I. *Sovremennoe rossiiskoe obshchestvo: sotsial'nyi mekhanizm transformatsii* [Modern Russian society. Social mechanism of transformation]. Moscow, Delo Publ., 2004. 400 p.
7. Ionin L.G. *Vosstanie men'shinstv* [Minority uprising]. Moscow, St. Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 2012. 237 p.
8. Castells M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The Information Age: Economics, Society and Culture]. Moscow, HSE Publ., 2000. 608 p. (In Russian).
9. Lapin N.I. Funktsional'no-orientiruyushchie klasteriy bazovykh tsennostei naseleniya Rossii i ee regionov [Functionally Orienting Clusters of Basic Values of the Population of Russia and Its Regions]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2010, no. 1, pp. 28–36.
10. Le Bon G. *Psikhologiya narodov i mass* [Psychology of nations and masses]. Moscow, AST Publ., 2021. 320 p. (In Russian).

11. Logunova L.Yu. *Sotsiologiya lichnosti: teoreticheskie osnovaniya* [Sociology of Personality: Theoretical Foundations]. Kemerovo. KemGU Publ., 2017. 96 p.
12. Logunova L.Yu., Rychkov V.A. Pole pamyati: konstruirovaniye i bor'ba narrativov [Memory Field: Design and Fight of Narratives]. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2020, vol. 12, iss. 4, pt. 1, pp. 162–190.
13. Mikhailovskii N.K. Geroi i tolpa [Heroes and crowd Writings]. *Sochineniya N.K. Mikhailovskogo* [Mikhailovskii N.K. Works]. Moscow, A.I. Mamontov and Co. Publ., N.N. Klobukov Publ., scanning, 1906, vol. 3. 970 p. (In Russian).
14. Mole A. *Sotsiodinamika kul'tury* [Sociodynamics of culture]. Moscow, LKI Publ., 2008. 416 p. (In Russian).
15. Orekhovskiy P.A., Razumov V.I. Nastupleniye nartsissicheskoy kul'tury: posledstviya dlya obrazovaniya, nauki i politiki [The Onset of Narcissistic Culture: Consequences for Education, Science and Politics]. *Idei i Idealy = Ideas and Ideals*, 2021, vol. 13, iss. 3, pt. 1, pp. 84–102.
16. Parsons T. *O sotsial'nykh sistemakh* [Social systems]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2002. 832 p. (In Russian).
17. Shpak L.L., execut. ed. *Politicheskoe soznanie i povedeniye: evolyutsiya i mobilizatsiya* [Political consciousness and behavior: evolution and mobilization]. Kemerovo, KemSU Publ., 2016. 151 p.
18. [Draft Decree of the President of the Russian Federation “Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values”]. *KonsultantPlus* [ConsultantPlus]. (In Russian). Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PNPA&n=80028#WB1hovSD5AAUzDT5> (accessed 18.08.2022).
19. Sorokin P.A. *Sotsial'naya i kul'turnaya dinamika* [Social and cultural dynamics]. Moscow, Astrel' Publ., 2006. 1176 p.
20. Syn milliardera Borisa Rotenberga stal glavnym trenerom khokkeinogo kluba SKA [The son of billionaire Boris Rotenberg became the head coach of the hockey club SKA]. *BBC News. Russkaya sluzhba* [BBC News. Russian Service]. (In Russian). Available at: <https://www.bbc.com/russian/news-59866020> (accessed 07.01.2022).
21. Huizinga J. *Homo ludens. V teni zavtrashnego dnya* [Homo ludens. In De Schaduwen Van Morgen]. Moscow, Progress-Akademiya Publ., 1992. 464 p. (In Russian).
22. Horkheimer M., Adorno T. *Dialektika prosveshcheniya: filosofskiy fragmenty* [Dialectics of enlightenment. Philosophical Fragments]. Moscow, Medium Publ., 1997. 310 p. (In Russian).
23. Shils E. Obschestvo i obschestva: makrosotsiologicheskii podkhod [Society and Societies: Macrosociological Approach]. *Amerikanskaya sotsiologiya: perspektivy, problemy, metody* [American Sociology: Perspectives, Problems, Methods]. Moscow, Progress Publ., 1972. 390 p. (In Russian).
24. Goffman E. *The Presentation of Self in Everyday Life*. New York, Penguin, 1959. 259 p.

25. Lasch C. *The Culture of Narcissism: American Life in an Age of Diminishing Expectations*. New York, Norton, 1979. 250 p.
26. Lewis O. Culture of Poverty. *On Understanding Poverty: Perspectives from the Social Sciences*. Ed. by D.P. Moynihan. New York, Basic Books, 1969, pp. 187–220.
27. Luhmann N. *Social systems*. Transl. from German J. Bednars, D. Baecker. Stanford, Stanford University Press, 1995. 627 p.
28. Parsons T. The Concept of Society: The Components and Their Interrelations. *Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives*. New York, Prentice-Hall, 1966, pp. 5–29.

The article was received on 20.01.2022.

The article was reviewed on 21.02.2022.